

СПЕКТР СОЗНАНИЯ

В.И. Олешкевич

10.7256/1999-2793.2013.04.11

СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (на материале советской психологии)

Аннотация. В статье ставится задача исследования советской психологии с точки зрения социологии и культурологии психологического знания или применения культурно-исторического подхода к концепциям советской психологии. Показывается, что советская психология несет в себе значительную идеологическую нагрузку, исследует именно советского человека и обслуживает господствующую во время ее формирования идеологию. Аналитическая реконструкция культурно-исторических оснований психологического знания осуществляется преимущественно на материале Московской школы деятельностной психологии. Главная задача статьи состоит, прежде всего, в том, чтобы показать принципиальную необходимость и возможность такого анализа.

Ключевые слова: культурология, социология, психология, знание, психотехника, феноменология, формирование, опыт, анализ, общество.

Всякая психологическая концепция представляет собой историческое явление. В этой связи, культурно-исторический подход можно применить не только к объяснению психики, но и к изучению психологических теорий. Как и всякое знание, любая психологическая теория исторична, это значит, что она обусловлена историческим опытом. Поскольку знание существует в истории, возникает внутри определенного социального опыта, то оно не просто исторически обусловлено, произведено внутри определенного социального опыта, но и несет в себе его след и определенные этим опытом границы¹. Задаваясь вопросом о предмете и методе психологии и встречая на него некоторое многообразие ответов в культуре, мы вправе задать вопрос об условиях возникновения этих знаний. Но поскольку знания производятся в рамках социального опыта, для его потребностей, возникают

в определенной социальной ситуации, то ответом на вопрос об условиях возможности психологического знания будет социология этого знания. В этом смысле эпистемология в значительной мере должна уступить место социологии знания². Этот подход, с нашей точки зрения, необходимо дополнить также и культурологией знания.

Можно, например, показать, как древнегреческое мышление производится вследствие определенной организации политической жизни полиса³. Поэтому древнегреческое мышление отражает социальные отношения древнегреческого города-государства. Также можно задаться таким вопросом: почему теория вероятностей возникает именно в XVII в. Прежде всего, можно сказать, что для античности и Средних веков эти математические идеи были абсурдны или просто не имели смысла. Они могли возникнуть в обществе, где не просто развивается промышленность, торговля, но где развивается рынок в современном смысле слова, а также в условиях, когда появляются атомарные индивиды и события, которые равновероятны. То есть для того, чтобы возникла эта математи-

¹ Stark W. The Sociology of Knowledge. Chicago, Free Press of Glencoe, 1958; Seidel A. Bewusstsein als Verhaengnis. Bonn, Cohen, 1927; Mannheim K., Ideology and Utopia. London, Routledge & Kegan Paul, 1936; Laudan N. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. L., 1977; Newton-Smith W. The rationality of science. London, 1981; Олешкевич В.И. Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997; Олешкевич В.И. Что такое методология психологии // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С. 60-88.

² Мокшицкий Э. Между эпистемологией и социологией знания // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 109-124.

³ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.

ка, необходим определенный социальный опыт, который затем может быть представлен в виде математической задачи. Поскольку психологическое знание это тоже социальное знание, возможно задать такие вопросы по отношению к психоанализу, бихевиоризму и другим психологическим концепциям⁴.

Все это относится и к советской психологии, ее важно также исследовать с точки зрения социологии знания, ибо она, конечно, не безусловна. В этом смысле удивительно слышать и читать, как сегодня говорят: «Мы следуем теории деятельности А.Н. Леонтьева или развиваем его теорию, или следуем Л.С. Выготскому и т.п.». Они работали и писали в определенное историческое время, но теперь историческая ситуация изменилась. Нельзя сегодня так просто следовать Леонтьеву, потому что его концепция ограничена его историческим временем, которое она и рефлектирует. Когда М.К. Мамардашвили спросили: «Что делать с советской философией?», он только на минуту задумался, а потом сказал: «Оставить». В действительности он говорил более резко. Но все же историк советской культуры не может так просто оставить советскую идеологию (куда входила и философия, а во многом и психология).

Трудно себе представить, что советскую психологию не коснулась идеология, что эта психология не сформировалась под воздействием этой идеологии и что она не описывает некоторым образом советский образ жизни. Считать, что она формировалась независимо от социальных условий жизни и от господствующей идеологии, было бы наивно. В этом отношении у нас мало что сделано, о психологии говорят и ее преподают также как 30 лет назад, как будто бы ничего не случилось. Этому можно найти «субъективные причины», но объективных причин для этого нет. И какие либо общие рассуждения, теоретический анализ здесь не помогут. Нужно изучить советскую психологию в контексте отображения ею советского образа жизни. Это, несомненно, приведет к более глубокому ее пониманию. Даже такой мыслитель высочайшего класса как М.М. Бахтин, личность и мышление которого сформировались в основном в досоветское время, не может быть до конца понят без учета той социальной ситуации, внутри которой происходило его творчество. И эта ситуация явно или неявно задавала особенности его творчества. Экзистенциальная ситуация Бахтина —

это ситуация одинокого мыслителя, человека, который не может не мыслить, но и не может, и не хочет приспособляться к существующей общественной жизни. Изолированный от общества, из «своего места в бытии» он ведет диалог с Платоном, эпохой Возрождения, Достоевским и т.д. Современности для него нет, время как бы остановилось или оно проходит где-то ввне сознания Бахтина, советское социальное время порождает только страх и непонимание. Поэтому остается лишь экзистенциальное время и прошлое, которое вдруг оживает и становится собеседником⁵. Этот социальный контекст, в значительной мере ограничительный, и является условием для понимания текстов М.М. Бахтина.

В данной статье мы будем параллельно использовать феноменологический и объективный (сравнительно-исторический, структурный анализ и т.п.) методы исследования природы психологического знания и социально-психологической реальности, которую оно отображает. Для этого будем удерживать перед своим мысленным взором, с одной стороны, онтологическую реальность советской жизни, идеологию, образ жизни советского человека и сравнивать все это с психологической теорией. С другой стороны, будем удерживать у уме такую же связку между западным образом жизни и западными типами психологий, чтобы усмотреть сущность различия западной и советской психологий и их опосредованность культурой, в которой они формируются и проблемы которой отображают. Для того, чтобы глубже понять специфику и характер такого отображения будем редуцировать научные психологические понятия к их некоторым первичным феноменологическим референтам и очевидностям в культуре и в образе жизни человека в ней. Итак, попытаемся применить феноменологический метод и мысленно погрузимся в то время, когда создавались концепции советской психологии и постараемся извлечь некоторые социальные и идеологические их смыслы.

Например, зададимся вопросом, почему в это время преимущественное развитие получает детская психология. Конечно, ясно, что начинать формировать новое сознание нужно с детей. С другой стороны, дети представляют наиболее благоприятный материал для изучения механизмов формирования сознания. Но в отличие от западной психологии, ребенок здесь рассматривается как нечто изначально естественное, как то, что нужно еще окультурить

⁴ Олешкевич В.И. История психотехники. М.: Академия, 2002.

⁵ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.

(низшие и высшие психические функции). Это взгляд на ребенка извне, со стороны культуры. А западную психологию интересует, прежде всего, естественное развитие ребенка, для нее ребенок — это не просто то, что подлежит формированию, но и то, что необходимо взрастить, и сделать это таким образом, чтобы уменьшить болезненность процессов роста и развития ребенка. Здесь ребенок рассматривается изнутри развития его сознания, Фрейд вначале находит ребенка в себе, а затем проецирует это осознание на развитие детей⁶.

И для европейской психологии ребёнок является удобным материалом для психологических исследований, но в ином смысле. Если для советской психологии ребенок — это почти что природный материал, который можно формировать по усмотрению заданий культуры (цивилизации, партии), то западная психология находит ребенка внутри взрослого и эта ситуация запрашивает понимания ребенка как в себе (во взрослом), так и вовне, в эмпирическом материале. Аналогичное различие обеих психологий существует и к природному дефекту ребенка. Для Выготского ребёнок, например, с сенсорным дефектом — это удобный материал для изучения высших психических функций, исследования соотношения культурного и природного в человеке, это тот материал, на котором можно исследовать значение и возможности культуры для развития ребёнка. А Адлер идет иным путем. Он рассматривает проблему изнутри, изнутри самосознания самого ребенка. Дефект рождает у ребенка определенное самосознание, которое может быть направлено как в позитивную сторону личного самоутверждения, так и в сторону развития невроза⁷. Здесь мы видим различные ценностные ориентации психологии Выготского и психологии Адлера, которые обусловлены культурно-исторической ситуацией их формирования. В этой связи и спор этих двух видов психологий важно перенести из чисто теоретической плоскости (в которой они обе верны, и где каждая психология открывает истину со своей стороны) в плоскость изучения социологии и культурологии психологического знания, в которой мы можем определить условия истинности каждой из них.

В такой же мере важно и аксиологическое изучение этих психологий. В этом отношении, мы

видим, что психология Адлера — это психология развития и самоутверждения личности, а психология Выготского — это психология формирования психики и высших психических функций. В значительной мере в целом вся советская психология является *психологией формирования*. Это определяется культурно-исторической ситуацией ее существования, она в некотором роде таким образом выполняет социальный заказ советского государства.

Но и она, конечно, неоднородна. Она менялась вместе с развитием общества и социально-политической атмосферы. Почему же психология Выготского попадает под запрет и предается забвению? Вероятно, в том числе, и потому, что скоро стало очевидно, что она слишком уж откровенно описывает механизмы работы советской идеологии и она скоро вытесняется из идеологической сцены советской психологии. А уже потом, по словам Г.П. Щедровицкого, некоторые начальствующие психологи уже по личным мотивам не были заинтересованы в публикации трудов Выготского. Скоро место под идеологическим солнцем заняла деятельность психология. Ограничимся пока московской школой.

Многое из того, что говорилось можно перенести и на другие, последующие концепции советской психологии. Хотя появляются, конечно, и новые нюансы, связанные опять-таки с некоторым изменением образа жизни советских людей. Новые особенности советского образа жизни отражает, например, концепция деятельности А.Н. Леонтьева⁸. Что же это за особенности? После периода бури и натиска советское общество стабилизируется, в нем образуется специфическая рациональность. И жизнь советского человека начинает проходить в таком рациональном пространстве, где все должно быть по-своему рационально. Советский человек, в этом смысле, рациональный человек, человек, который должен действовать рационально и обдуманно, хотя его образ мыслей и является опосредованным нормативными требованиями идеологической системы. Как будто в этом обществе объективировался гегелевский абсолютный дух и его объективное мышление. Это мышление одновременно простое и однозначное, но и сверхчувственное. Но в советском обществе люди прежде всего движутся, действуют и работают. Самое главное, конечно, работают. Такой муравейник. Но

⁶ Олешкевич В.И. Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 20-36.

⁷ Адлер А. Наука жить. К.: Port-Royal, 1997.

⁸ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

это также общество *дефицита предметов потребления*. И это та социальная и культурная основа и тот феноменальный фон, которые инициируют формирование ценности предмета потребности и вообще представление о предметности потребностей человека. Человек может хотеть только того, что уже существует в обществе и что в нем опредмечено. А чтобы добыть этот предмет, нужно совершить деятельность.

Почему же именно деятельность, почему такая фиксация на деятельности? В западной психологии принято говорить не о деятельности, но о поведении. Здесь исследователь видит человека как *ведущего* себя, то есть, он сам себя ведет. Следовательно, речь идет о самосознающем индивиде, который способен направлять себя и управлять собой. Человек ведет себя («держит в руках», говорят немцы) перед лицом других людей⁹. Также и мы говорим ребенку, чтобы он вел себя хорошо, то есть чтобы он контролировал свое поведение и учитывал ожидания других людей.

В советской же психологии берется именно философское и абстрактное понятие «деятельность». Здесь упускается момент самосознания и момент диалога действующего индивида со своим окружением. Почему же так? Дело в том, что советский человек работает, он не общается, но ориентируется лишь на общую норму и страх, он находится в социальной ячейке, где все уже определено. И на себя, на свое самосознание, он тоже не ориентируется, поскольку это опасно, он просто работает. Вот этого абстрактного человека, гомосоветикуса, и изучает советская психология. Здесь действительно, по крайней мере, отчасти применимо понятие деятельность и теория деятельности.

Тогда понятно, почему мышление происходит из деятельности, почему оно (или психика в целом) может быть определено как часть деятельности, ориентировочная деятельность и т.п. Откуда же ему еще взяться. В рамках советской модели человека это действительно может быть истинно. Но мы должны понимать, что это особые условия существования человека, что это некоторая абстрактная модель человека и т.п. Интересно, что самосознание в советской психологии долгое время вообще не изучается. В конечном счете, затем его выводят из деятельности и понятно, что это некоторо искусственное самосознание. То же

самое происходит и в возрастной психологии, здесь тоже все выводится из деятельности. Это отражает также авторитарные и нормативные стили воспитания советского человека. В такой нормативной ситуации самосознанию и мышлению неоткуда взяться, кроме как из деятельности. Поэтому для советской психологии мышление есть деятельность, а внутреннее тождественно внешнему.

Еще один социальный источник исследования мышления — это стремление власти контролировать образ мысли людей. Для ее важно, чтобы люди правильно ее понимали и правильно мыслили. Неправильное мышление квалифицируется как болезнь. Появляется диагноз вялотекущей шизофрении. Отсюда идут массовые исследования мышления в патопсихологии с санкции властей, особенно на материале шизофрении. И шизофрения определяется, прежде всего, через нарушение мышления. В сущности, и человек, его нормальность и благонадежность также определяются через его образ мыслей. Неправильно мыслящий человек, человек, искажающий идеологию, имеет больное мышление. Поскольку мышление есть следствие работы мозга, то неправильное мышление означает заболевание мозга, который, в свою очередь, нуждается в лечении. В этом смысле, совершенно неслучайно, что советская патопсихология сконцентрировалась на диагностике мышления. Но это были исследования элементарных форм мышления, элементарных мыслительных операций (типа обобщения, абстрагирования и т.п.). Само по себе свободное мышление и его исследование находится под запретом. Основная истина остается в том, что мышление осуществляется по определенным правилам и согласуется с определенными нормами. Но в реальности за человека мыслит партия («весь народ»), это мышление в нем лишь функционирует, поэтому выглядит как что-то чудесное или, напротив, как чуждое ему.

И в такой ситуации советская психология задается вопросом: что такое мышление? Можно сказать, что это один из главных ее вопросов, если вообще не основной. Мышление выглядит для нее как нечто возвышенное и почти мистическое, поскольку вопрос задается в обществе, которое не мыслит (в нем мыслящем обществе). Одним из тех, кто задавал себе этот вопрос (вопрос о мышлении) был П.Я. Гальперин, для которого этот вопрос был центральным. Оставив клинику, он принялся искать природу мышления в обществе. Известно, к каким выводам он пришел. Его заключение можно

⁹ Олешкевич В.И. История и логика развития европейской психотехники. М., 2005.

определить примерно так: мышление есть следствие интериоризации знаково-опосредованной схемы ориентировочной деятельности. Это значит, что мышление приходит извне, в нас входит нечто, уже обозначенное. И предполагается, что все можно точно обозначить и определить. Не является ли это отображением советского образа жизни?

В целом же советская психология ориентирована на процессы интроекции и в этом отношении она тоже отражает психологию советских людей. Действительно, здесь в центре внимания изучение таких явлений как удовлетворение потребности, присвоение общественного опыта, присвоение знаков, формирование. Хотя осознавала она себя, напротив, как психология активности, но это лишь изображение пассивной активности советского человека. Настойчивое самоопределение советской психологии себя как психологии активности, в сущности, можно понять как ее специфическое реактивное образование. Этим можно объяснить ее оголтелую критику бихевиоризма и психоанализа как психологий, не учитывающих «активность субъекта». Со стороны же психотехнической, советская психология — это *психология формирования*. Ее основная методическая посылка состоит в том, что психика человека формируется культурой, а большинство ее исследований связаны с формированием различных психических элементов и функций. В этом отношении она и обосновывала, и обслуживала советскую идеологию, которая была ориентирована на порабощение человека.

Но все это, конечно, не отменяет значения советской психологии. Другое дело, что мы не можем, как это сегодня сплошь и рядом происходит, воспринимать и «развивать» ее непосредственно. Но необходимо вначале реконструировать и понять ее условия возможности, ее цели и ценности и на основе такого понимания ее уже и развивать. И, наконец, развивать советскую психологию мы теперь можем только с учетом всего другого мирового психологического опыта, на основе понимания структуры современной мировой психологии.

* * *

Но обычно у нас принято подходить к истории советской психологии сентиментально, рассказывать, как великих советских психологов травили власти и оппоненты и как они героически боролись, отстаивая свою истину. А дальше говорится, что вот мы ученики школы Л.С. Выготского (А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и т.п.) высоко несем знамя их учения и т. п. Эти сентиментальные

триумфы можно встретить сплошь и рядом, вплоть до сегодняшнего дня. И этот дешевый трюк в стиле и духе советской науки до сих пор срабатывает как магия предков. Того же Выготского, как правильно говорит А.А. Пузырей, толком никто не понимает, но в начале статьи всегда есть «как говорил Выготский, Леонтьев и т.п.», а затем идет банальное тестирование, которое с Выготским никак не вяжется. То же самое и с психологией деятельности. За норму принято какое-то плебейское возвеличение советских психологов и превращение их в каких-то непререкаемых авторитетов и даже идолов. Это дух советской эпохи, который витает до сих пор в психологической науке.

Такой подход к психологии еще как-то был осмыслен в советское время, когда была, с одной стороны, наша психология, а с другой стороны, чужая, там за бугром, которую надо обязательно критиковать. Но теперь перед нами открывается большая мировая психология и огромная история психологии и мы ее обязаны знать, если хотим говорить или писать о психологии. И советскую психологию теперь важно по-настоящему понять, понять именно в контексте всей мировой психологии и истории культуры. Потому что нужно не просто знать свою историю, но и уметь критически относиться к ней, и понимать условия развития и гносеологические границы исторических психологий. Особенно это касается психологии советского периода. И не в последнюю очередь это относится к психологии деятельности. Ее важно понять именно как советскую психологию, понять культурно-исторически и с точки зрения социологии знания.

Советская психология формировалась вместе с развитием советского общества и его идеологии. Более того, она не только следовала советским идеологическим постулатам, но и непосредственно обслуживала идеологию. В противном случае, жесткая, параноидная идеологическая система и ее цензура просто не допустили бы ее к публичному функционированию и развитию. И когда на известной Павловской сессии психология деятельности отстояла себя в борьбе с павловской физиологией, то дело здесь не только в том, что психологами были найдены объективные методы исследования психического в обход физиологии. К этому времени павловская «психология» уже перестала удовлетворять идеологию. Если в первой половине XX в. объективная психология активно апробировала свои возможности и на Западе, а в США была ведущим направлением академической

психологии, то в 50-е годы ситуация в мире меняется, меняется она и в Советском Союзе. В 30-е годы физиология высшей нервной деятельности И.П. Павлова обосновывала советскую идеологию тем, что психика человека представлялась функцией среды, и отсюда следовало, что людей необходимо формировать и воспитывать. Теория условных рефлексов была удобным прикрытием для идеологических манипуляций, ведь согласно этой теории, внутри человека особенно ничего нет, он как чистая доска, на которой окружающая среда может писать письма, какие ей угодно.

Но в 50-е годы власть идеологии уже установилась, врагов уже почти нет и нужно воспитывать «активных строителей коммунизма», которые были бы идентифицированы с позитивными идеологическими побуждениями. Советская идеология вообще экспансивна сама по себе, она ориентирована на борьбу, на покорение не только природы, но и человека, и даже целых народов. Идентифицируясь с этой идеологией, советский человек может чувствовать себя деятельным, готовым к подвигам и победителем. Таким образом, у массы людей актуализируется активность, самосознание (правда лишь общее самосознание), потребность в созидании и «дух строителя коммунизма». Это деятельное состояние человека, идентифицированного с идеологией. Наличие такого состояния сознания в обществе является одной из главных причин возникновения деятельностной психологии и важной причиной того, почему деятельностная психология выстояла на Павловской сессии.

Советский человек теперь весь вовне, весь в работе, он ощущает свое тело лишь как орудие труда, которое следует формировать и воспитывать. Это тоже значимая социальная основа, на базе которой на историческую арену выступает психология деятельности, которая практически не нуждается в физиологии. Хотя формально деятельностная психология опирается на учение Павлова, но, в действительности, теперь для объяснения психики физиология и не особенно нужна. Теперь психика рождается в деятельности и через деятельность. Данное воззрение опирается также на наблюдение над тем, как люди производят себя, делают из себя что-то новое (конечно, в рамках господствующей идеологии и при ее поддержке), причем, таким образом, что человек даже свою физиологию может изменить.

Наконец, в 50-е годы культурная ситуация в СССР меняется также и направлении либерали-

зации образования, начинается более серьезное изучение марксизма, немецкой классической философии, в круг интересов гуманитарного познания постепенно начинает включаться мировая история. На Западе в начале 20-го века была популярна идея сравнительного анализа филогенеза и онтогенеза и в 50-е годы она начинает входить в круг интересов советской психологии. Но если в западной психологии она разрабатывается в самых разнообразных направлениях, то в советской психологии соответствующий анализ сводится к изучению генезиса психического отражения или деятельности. Исторический опыт в гуманитарных науках все больше начинает интерпретироваться в категориях деятельности. В идеологии, к которой непосредственно примыкают общественные и гуманитарные науки, идет активная борьба с империализмом, в том числе, и с империалистической психологией, идеологии требуются адекватные орудия ответа, а это побуждает власти развивать свою, марксистскую психологию. Это еще одна важная причина развития деятельностной психологии.

Причем, это очень прозрачная причина. В каком-то смысле, советской власти никакая психология не была нужна, как, например, не нужна психология христианству. В христианской церкви и ее учении уже есть своя психология, включенная в символы веры, таинства, обряды и т. п. Церковь может, разве что, развивать психологию для защиты веры от светской психологии. Также и советской идеологии психология по большому счету не была особенно нужна, она уже содержала ее в себе в виде кодекса строителя коммунизма, идеологизированной литературы и искусства, методов пропаганды и т.п., но она вынуждена была ее развивать в процессе развертывания идеологической борьбы с Западом. И поскольку своего врага надо знать, то западная психология, пусть и маленькими порциями, и в искаженном виде попадает в советские учебники. И если посмотреть книги по психологии советского периода, то сразу бросается в глаза то, как яростно они поносят западную психологию.

Но на Западе в 50-е годы психология активно влияет на сложившиеся в обществе идеологии, сама активно формирует новый образ жизни человека и становится частью идеологии, а также мощным идеологическим орудием. Но в отличие от советской психологии, западная психология формировалась изнутри переживаний проблемного личного опыта человека, который соответствовал

опыту больших групп населения. Эта психология происходит изнутри самой психики, через ее самосознание, поэтому она невольно оказывается психологией практической. Психологии З. Фрейда, А. Адлера, К.Г. Юнга, К. Роджерса и т. п. рождаются из осознания личного опыта авторов этих концепций, который, как оказалось, соответствует опыту многих людей¹⁰. И 50-е годы в западной Европе и в Америке существовало достаточно широкое разнообразие психологий, которые использовались также и в идеологической борьбе с советской идеологией. И, как уже говорилось, это стало важной причиной получения пропуска в советскую науку деятельностной психологии.

Но если западная психология рождается изнутри индивидуального самоосознания себя индивидом в культуре, то советская психология возникает из осознания и анализа общественного (или обобществленного) индивида и общего идеологического самосознания. Поэтому она осталась безличной и лишь академической психологией, в некотором роде, лишь орудием идеологической (классовой) борьбы. Советская психология так и осталась академической психологией и не смогла выйти за границы академической науки, поэтому она не стала психотехникой или массовой психологией. Это место было занято господствующей идеологией и она туда ни кого не пускала. Если западная психология — это преимущественно психология самоосознания индивидуальности человека, то советская психология навсегда осталась психологией формирования, в своей исходной посылке — формирования нового человека, но в действительности сконцентрировалась на достаточно абстрактных предметах. И деятельность — один из них.

* * *

А.Н. Леонтьев расширяет понятие деятельности и определяет ее как процесс удовлетворения потребности¹¹. В этой его концепции деятельности также отображается психология советского человека и обстоятельства его жизни и развития. Например, что означает иерархия потребностей (или мотивов)? В западной психологии ничего аналогичного не было. Только у А. Маслоу мы,

казалось бы, находим нечто подобное. Но у него все же иерархия потребностей другого рода¹². Маслоу распределяет потребности в рамках определенной иерархии (от витальных до «духовных») и полагает, что удовлетворение потребностей низшего уровня является условием актуализации более «высоких» потребностей. Здесь отражаются условия американской культурной ситуации и, в сущности, это отражение психологии сытого американского гуманизма.

У Леонтьева же речь идет именно об иерархии, соподчинении и конфликтности потребностей. И эти потребности специфически отображают иерархичность советского общества. Аналогичные иерархические концепции личности можно найти разве что у Платона, Аристотеля и в средневековой психологии. Современные Леонтьеву западные психологии интересуют, напротив, целостность человека, его аутентичность и т. п. (Ф. Пёрлз, К. Роджерс и др.)¹³. Только в голове советского человека держится идея иерархии, субординации и подчинения. Если у Маслоу «насыщение» потребностей идет снизу вверх, то у Леонтьева, напротив, мотивационное развитие происходит скорее сверху вниз и это происходит через активное влияние внешней среды. Во-первых, сами потребности (их предметности) объективируются извне, индивид находит именно в своей культурной среде предметы, к которым он потом стремится. Во-вторых, в советской среде потребности людей специально формируются. Это искусственные, культурные потребности. У Леонтьева это выражается идеей предметности потребностей. Советскую ситуацию формирования потребностей описывает также «сдвиг мотива на цель». В сущности, этот механизм означает, что вначале индивид вынуждает себя, насильственно заставляет себя (или его принуждают извне) что-то делать, а затем это становится привычкой и превращается в «потребность» или «мотив». Но это именно то, что происходило с советским человеком, с его функционированием и развитием.

Далее, у Леонтьева человек не удовлетворяет свои потребности непосредственно, но этот процесс опосредуется целью. Ничего подобного в западной психологии не было. У Выготского

¹⁰ Олешкевич В.И. Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997; Олешкевич В.И. История психотехники. М., 2002; Олешкевич В.И. Психология и психотерапия А. Адлера. М., 2010; Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора. М., 2012.

¹¹ Там же.

¹² Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999.

¹³ Пёрлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001; Пёрлз Ф. Гештальт-семинары. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс-Универс, 1994.

деятельность человека опосредована знаком. Он обозначает ситуацию и действует в соответствии с этим обозначением. Опосредование удовлетворения потребности целью у Леонтьева означает описание двойной жизни, двойной и расщепленной души советского человека. А для него самого, как сегодня принято говорить, это означало психологию двойных стандартов. Различение цели и мотива, в сущности, означает, что человек нечто делает или говорит, но в действительности имеет в виду что-то иное, например, вступает в партию (цель), но имеется в виду карьера (мотив). Отношение мотив/цель соответствует также нахождению советского человека между своим бытом и социальными нормами. В теории деятельности Леонтьева нет места непосредственному существованию человека, существованию без всякой цели и скрытых мотивов, например, знанию ради знания, общению ради общения и т.п. Такую теорию мог построить только типичный советский карьерист. Здесь всегда в душе человека существует раскол и раздвоение. Но такова и есть в действительности психология советского человека.

Обращает на себя в теории Леонтьева также механическое устройство мотивации и мотивационной сферы индивида. Здесь существуют предметы потребности, как вовне, так и отраженные внутри и есть процесс удовлетворения потребностей, процесс, в сущности, механический. А за этим стоит механичность жизни советского человека. Когда на его пути встречаются нормы и ограничения, то намечаются обходные пути и «опосредования». Вот и вся психология, простая психология советского человека. Переходя из одной нормативной сферы в другую, у него возникают все новые «опосредования», но в глубине души он остается совокупностью «предметных потребностей». Это и есть советский человек «эпохи развитого социализма». Западный человек отталкивается в своем поведении от более или менее свободного самосознания и *ведет* себя в соответствии с ним, сообразуясь с самосознанием других людей, но у советского человека нет самосознания (или оно обобществлено), он лишь удовлетворяет свои потребности «в процессе деятельности».

Затем теория деятельности Леонтьева начинает расширять свою объяснительную сферу. Казалось бы общение — это никакая ни деятельность, а именно общение. Но строится теория общения как деятельности. И этому тоже можно найти социологическое объяснение. Советские люди разобщены, они не доверяют друг другу, так что

общение превращается у них в настоящую деятельность, со скрытыми мотивами, опосредованиями, конкретными целями и т.п. Такое напряженное общение действительно удобнее описывать как деятельность. Не случайно, что после развала Советского Союза наиболее ходовым словом в психологических кругах (да и не только в них) стало слово общение и уже, конечно, не в смысле деятельности. Люди как бы открывали для себя новое самосознание и новую психологическую реальность.

Все же психология Леонтьева тоже верна, правда лишь в определенных условиях и при определенном подходе к организации развития человека. И у всех нас, кто вырос в Советском Союзе, хотя бы на заднем плане гомо советикус остается. Иначе как же объяснить тот факт, что психология деятельности Леонтьева остается ведущей университетской психологией? Другое дело социальная практика и люди. Они, конечно, изменились, и здесь психология деятельности уже не работает, ибо она отображает другую реальность. Она достаточно хорошо описывала жизнь советского человека и достаточно хорошо обслуживала советскую идеологическую машину, но новым социальным и психологическим реальностям она не соответствует. Но если понимать советского человека как продукт социального эксперимента, то психологию деятельности можно понять как некоторую «экспериментальную психологию».

* * *

Таким образом, понятие деятельности и деятельностный подход к исследованию психологической и социальной реальности формировались на советской культурной почве и на ее социальном материале. Эта психология (также как и методология) изучала именно советскую реальность и осмыслена как онтологически, так и методологически, прежде всего, в условиях этой реальности и в рамках соответствующего опыта. Границы этого опыта определяют структуру и значение советской психологии. И она обусловлена этими обстоятельствами своего происхождения и развития. В этом состоит условие ее истинности. И ее важно также и понимать вместе с условиями ее истинности.

Вместе с тем, в советской психологии речь идет об экспликации определенного исторического опыта в заданных экзистенциальных условиях существования человека. В этой связи, ее важно понять также и позитивно. Ибо даже глубоко негативные условия существования человека создавали основу для фор-

мирования у него нового и специфического опыта, новых условий познания и новых форм мышления. Великий исторический и социальный эксперимент породил новый социально-психологический опыт, а советская психология его рефлектировала. И эта рефлексия для историка психологии имеет ценность, если он не воспринимает эту психологию непосредственно и безусловно.

Таким образом, социология и культурология знания позволяют реконструировать социальную ситуацию и социальные механизмы производства знаний в определенном обществе. Это предполагает введение знания в контекст того социального и культурного опыта, который лежит в основе данного знания и который оно рефлектирует. А анализ и понимание этого опыта приводит к постижению тех условий жизни и познания индивида в обществе, которые и обуславливают возможность и необходимость его познания и знания. Осуществляя такого рода анализ, мы понимаем знание, как знание, полученное в определенных культурно-исторических условиях. Такая обусловленность знания определяет и его границы, социальные, культурные и гносеологические.

«Психологическое знание», прежде чем стать собственно психологическим, вначале существует

в форме социальных идеологий, норм, правил поведения, запретов, идеалов и т.п. Затем оно, шаг за шагом, внедряется в повседневный образ жизни индивида. Но с самого начала оно выполняет психотехническую функцию производства человеческого сознания и собственно представляет собой развернутую социокультурную психотехнику или *психотехническую культуру*. В процессе функционирования и воспроизводства этой культуры такого рода внешняя психотехника трансформируется во внутреннюю психотехнику самосознания людей, выражающуюся в их образе жизни, как внешней, так и внутренней.

И именно эта психотехническая реальность является тем материалом, на основе осознания и рефлексии которого формируются собственно рефлексивные психологии. И именно таким образом важно понять советскую психологию, как, впрочем, и всякую другую. Советская психология рефлектировала советскую психотехническую реальность и формировала психотехнические схемы, которые отражали именно эту реальность. Она также выполняла соответствующие идеологически опосредованные психотехнические функции в советском обществе. Именно так ее и следует заново понять.

Список литературы:

1. Адлер А. Наука жить. К.: Port-Royal, 1997.
2. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.
3. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: Матска, 2011. 306 с.
4. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
5. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982-1984.
6. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
7. Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 3. С. 33-38.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
11. Мокшицкий Э. Между эпистемологией и социологией знания // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 109-124.
12. Олешкевич В.И. История и логика развития европейской психотехники. М., 2005.
13. Олешкевич В.И. История психотехники. М., 2002.
14. Олешкевич В.И. Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997.
15. Олешкевич В.И. Что такое методология психологии // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С. 60-88.
16. Олешкевич В.И. Психология и психотерапия Альфреда Адлера. М., 2010.
17. Олешкевич В.И. Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 20-36.
18. Пёрлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.

19. Пёрлз Ф. Гештальт-семинары. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
20. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс-Универс, 1994.
21. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (Методологический анализ) // Педагогика и логика: Сб. М., 1993. С. 16-201.
22. Stark W. The Sociology of Knowledge. Chicago, Free Press of Glencoe, 1958.
23. Seidel A. Bewusstsein als Verhaengnis. Bonn, Cohen, 1927.
24. Laudan N. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. L., 1977.
25. Newton-Smith W. The rationality of science. London, 1981.
26. Mannheim K. Ideology and Utopia. London, Routledge & Kegan Paul, 1936.

References (transliteration):

1. Adler A. Nauka zhit'. K.: Port-Royal, 1997.
2. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym. M.: Progress, 1996.
3. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti E. Eriksona v zerkale lichnoy istorii avtora (opyt issledovaniya prirody kliniko-psikhologicheskogo znaniya). M.: Maska, 2011. 306 s.
4. Vernan Zh.-P. Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli. M.: Progress, 1988.
5. Vygotskiy L. S. Sobranie sochineniy v 6-ti tomakh. M.: Pedagogika, 1982-1984.
6. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu. M., 1976.
7. Gal'perin P.Ya. K probleme vnimaniya // Doklady APN RSFSR. 1958. № 3. S. 33-38.
8. Leont'ev A. N. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M., 1975.
9. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psikhiki. M., 1972.
10. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. SPb: Evraziya, 1999.
11. Mokshitskiy E. Mezhduepistemologiyey i sotsiologiyey znaniya // Sotsio-Logos. M.: Progress, 1991. S. 109-124.
12. Oleshkevich V.I. Istoriya i logika razvitiya evropeyskoy psikhotehniki. M., 2005.
13. Oleshkevich V.I. Istoriya psikhotehniki. M., 2002.
14. Oleshkevich V.I. Rozhdenie novoy psikhotehnicheskoy kul'tury. M., 1997.
15. Oleshkevich V.I. Chto takoe metodologiya psikhologii // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. 2009. № 1. S. 60-88.
16. Oleshkevich V.I. Psikhologiya i psikhoterapiya Al'freda Adlera. M., 2010.
17. Oleshkevich V.I. Nekotorye podkhody k metodologii psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. Tom 2. Vypusk 1. S. 20-36.
18. Perlz F. Geshtal't-podkhod. Svidetel' terapii. M.: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2001.
19. Perlz F. Geshtal't-seminary. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 1998.
20. Rodzhers K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. M.: Progress-Univers, 1994.
21. Shchedrovitskiy G.P. Sistema pedagogicheskikh issledovaniy (Metodologicheskii analiz) // Pedagogika i logika: Sb. M., 1993. S. 16-201.
22. Stark W. The Sociology of Knowledge. Chicago, Free Press of Glencoe, 1958.
23. Seidel A. Bewusstsein als Verhaengnis. Bonn, Cohen, 1927.
24. Laudan N. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. L., 1977.
25. Newton-Smith W. The rationality of science. London, 1981.
26. Mannheim K. Ideology and Utopia. London, Routledge & Kegan Paul, 1936.